

УДК 811.161.1'28

М.М. Угрюмова

ВОЗРАСТ РЕБЕНКА В НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦАХ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале говоров Среднего Приобья)

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу языковых единиц как средству трансляции этнической культуры. Рассматриваются номинативные единицы говоров Среднего Приобья, называющие ребенка в трёх возрастных категориях: новорожденные и младенцы, дети старше младенческого возраста, подростки. Посредством лингвокультурологического анализа внутренней формы слова (корневой морфемы, словообразовательных аффиксов) и мотивационных признаков, лежащих в основе наименований детей, выявляются релевантные для носителей традиционной культуры представления о ребенке.

Ключевые слова: лингвокультурология; говоры Среднего Приобья; семантика; возраст; ребенок.

Тезис о том, что язык является средством трансляции этнической культуры, в настоящее время представляется бесспорным. Этим объясняется актуальность лингвокультурологических исследований, ориентированных на рассмотрение элементов языковой системы как знаков, кумулирующих народное мировидение. Наиболее информативным с точки зрения культурной информации признается лексический уровень языка. Группа наименований, объединенных архисемой 'человек', 'лицо', является одной из центральных в лексиконе. Предметом рассмотрения в статье являются единицы среднеобских говоров, номинирующие детей.

Диалектные наименования детей неоднократно подвергались лингвистическому анализу с разных позиций. Ю.В. Зверевой на материале пермских говоров рассматриваются модели метафорического переноса в названиях детей. В работе сделан вывод о том, что использование метафорических наименований наиболее частотно при назывании детей как совокупного множества (собираательных существительные), в обозначениях непослушных, подвижных, непоседливых детей, в номинациях ребенка по внешнему виду. Наиболее распространенными являются вещеморфная, зооморфная и антропоморфная метафорические модели [1]. И.А. Подюковым и Н.П. Федосеевой исследуются основания характеристики детей, закрепленные в их номинациях, в пермских говорах и коми-пермяцком языке: по физическим и поведенческим особенностям ребенка, его возрасту, характеру, статусу в семье. Авторы отмечают, что в народной культуре чаще всего подчеркиваются внешние, биологические характеристики детей, указывающие на их восприятие как природных существ, части физической реальности, природного мира, в то время как социальные оценки являются редкими [2]. Наименованиям детей младенческого возраста в архангельских говорах, а также лексическим единицам, характеризующим семейное положение ребенка, посвящена глава диссертационного исследования А.Б. Коконовой. Исследованный материал показывает, что обозначения новорожденных детей основаны на признаках пола, возраста, очередности появления детей в семье, действиях, характерных для младенца, антропометрических характеристиках и т.п. [3]. Лексические единицы говоров Усть-Цильмы, выражающие представления о зачатии и рождении ребенка и восприятии новорожденного, подвергаются анализу в статье Т.Н. Бунчук. Автор обращает внимание на лексико-семантическую разработанность понятия «правильно-

го» и «неправильного», с позиции народного мировоззрения, зачатия ребенка. Анализ направлен на выявление метафорических моделей, участвующих в образовании лексических единиц, называющих зачатие и рождение вне брака, а также номинаций незаконно-рожденных детей [4]. Все исследования объединяет мысль о том, что за номинациями детей стоит комплекс профанных и сакральных представлений носителей традиционной культуры (репрезентантом которой и являются говоры) о восприятии детей в социуме, структуре семьи, морали и этике повседневной жизни, принципах правильного жизнеустройства.

Настоящее исследование выполнено на материале говоров Среднего Приобья. Рассматриваются единицы диалектного лексикона, характеризующие ребенка с точки зрения его возраста, за которыми, как представляется, также закреплены мировоззренческие позиции носителей традиционной культуры.

Маленький возраст, незрелость являются одними из мотивационных признаков, лежащих в основе наименований детей. Семантика «малости» находит выражение как в общерусских, так и в диалектных единицах с корнем *-мал-*, например, *малолетка* 'ребенок малого возраста': *А там малолетки всё* (BC). Важно отметить, что в существительных, называющих детей, значение 'незрелый' и значение 'маленький по размеру, небольшой' зачастую являются нерасчленимыми: *малыш, малышок*: *Крупный малыш, ему только три, четвёртый год; Силос – на силосе все малыши. Пять лет-восемь лет – он уж волокушу возит или боронит; А ей уж малышку третий год* (BC); *Это дело малышков учили, девочек в разных училищах. Учили крепко, и чечас помню всё* (МДС); *малютка*: *Как я згляну на малютку и слезамя вся зальюсь (из песни); Улестил милдой словами. Он уехал и оставил мне малютку на руках (из песни)* (BC); *малыга*: *Всяко скажут: и малыш, и малыга, на маленького* (СРСГД). На ядерное положение семы 'маленький' в структуре лексического значения единиц, называющих детей, указывает их переход из атрибутивов в субстантивы: *малой (малый), малая*: *Моего малого не видели?* (СРСГД); *Разошлись с ём, малый утонул. Всю жизнь в пережитках. Как вспомнишь, воскресного путьего не увидишь* (СРСГД); *И Люда всё равно бойка. Матрёна матерится с овечками, а эта, малая, её дразнит. Разве можно?* (BC); *маленький* 'ребенок, дитя': *У меня все свои чёрный едят, а маленький тот тоже черный хлеб ест; Не пускали покататься, поиграть, маленьких заставляли*

прясь (ВС); *Молода така, а уже маленький. Она же сама, как ребятёнок, много лет не дашь* (СОС).

Лексические единицы говоров Среднего Приобья, называющие детей по признаку возраста, можно разделить на несколько групп: 1) новорожденные и младенцы, 2) дети старше младенческого возраста, 3) подростки. Рассмотрим каждую из групп последовательно.

1. Наибольшее количество номинаций относится к детям младенческого возраста. Идея появления на свет тесно связана с семантикой нового, выражаемой во внутренней форме единиц диалектного лексикона: *новорожденец* ‘новорожденный’: *А как новый кто народится, так тот новорожденец называется* (СС); *новорожденный* ‘только что родившийся, младенец’: *Я думаю, там всё, народился кто-то. Ну, с чем вас проздравить, кто у вас народился, новорожденный-то?* (ВС). Корень *-род-* указывает на недавнее появление на свет: *нарощённый* ‘новорожденный’: *Нарощённых нету. Две семьи детей целая бригада* (СС). Христианская идея появления детей по воле Бога выражена в эвфемистическом наименовании *Божья прибыль* ‘устар. Новорожденный’: *Сватьяшка, прошу тебя сегодня вечером быть у нас [на смотринах]. – Дай бог счастья вашему сыночку... А чичас маленечко вытьем за Божью прибыль* (Том. Карг.).

Корневая морфема слова *младенец* (*молодонец*) указывает на возрастной аспект в восприятии ребенка, так как транслирует идею «молодости»: *Аганя говорила, и Марина здесь была, говорила – «уж шибко, гыт, баба Вера, хорошенький». Я говорю: «Ну молодонец, как раньше ишьтали – ангел»* (ПСЯЛ).

Младенческий и детский возраст может обозначаться через прямое указание на количество лет (*Уж одной [девоичке] шесть лет, а другой три года* (ВС); *Вона Ирка маленька, один годик, и взяла маленьку чайну ложечку и выпила винца* (ВС)), или через прилагательные, образованные по модели ‘числительное + корень – месяч-, -год- и т.п.’ и имеющие словарную дефиницию ‘возрастом в... месяца (месяцев) / года (лет)’ (например, *двухлетний* ‘возрастом в два года’: *Я дак вот ни отца не знаю, ни мать, вот така была двухлетня* (ВС); *шестимесячный* ‘возрастом в шесть месяцев’: *Нажил ребёночка в городе и привёз шестимесячного, так я сама его ростила* (ВС); *Наградил он меня сыном шестимесячным, а сам уехал с молодой женой* (ВС); *семимесячный* ‘возрастом в семь месяцев’: *Она семимесячного взяла [ребенка]. Цёренький, черноглазенький, носастенький такой* (ВС); *восьмилетний*: *Ребёночка оставила восьмилетнего* (ВС); *полторагодовалый* ‘полторагодовалый’: *У меня одна девоичка полторагодова умерла* (СРСГД)), либо через лексемы с корнем *-год-*: *годовой*: *Перва девоичка воспой умерла, годовца была; Один [ребенок] годовой помер* (СРСГД); *годовик, годовичка*: *Годовик – ребёнок* (Том. Пар.); *Говорят годовичка. Год ребёнку – значит, годовик* (СС); *Ежли ребёнку год пройдёт, говорят – годовик* (МДС); *годовушечка*: *Дочку привезли, годовушечку* (СРСГД); *второгодник*: *На ножках не ходит – младенец, в пелёнках ешицо. А годовой назывался годовик, а два года – второгодник* (МДС). Обозначение возраста через существительное свидетельствует о выделенности первого года жизни, достижение ребенком возраста в один год

является своеобразным рубежом. Однако, как отмечает Т.А. Бернштам, «в разных областях России наблюдается отношение к младенчески-детскому возрасту <...> как к безвременному <...> младенцам и детям, по народным представлениям, еще не полагались названия, образованные от понятий времени и природно-биологического роста, поэтому встречающиеся “временные” термины этого возраста мы считаем поздним образованием» [5. С. 25, 26]. «Новорожденный (младенец) и ребенок, в среднем до 5–7 лет, имели внеполовые названия, характеризующие их физический рост и соответствующее ему поведение» [Там же. С. 26]. Какие характеристики лежат в основе наименований ребенка, что можно считать маркерами младенческого возраста и каким образом они отражены в семантике номинативных единиц?

Маркёры младенческого возраста в лексических единицах. Номинации ребенка в младенческом возрасте отражают идею наличия некоторых характеристик, присущих младенцу, среди которых неумение ходить и говорить, отличный от взрослых способ питания, связь с определенными предметами и т.д. По мысли А.К. Байбурина, этапы взросления ребенка коррелируют с появлением признаков, свидетельствующих о переходе ребенка в мир социума и позволяющих наделять его статусом «свой» («открытие» органов, способность ходить, появление первых зубов, введение различий по признаку пола и др.) [6]. Эти этапы «взросления» отражены в номинациях ребенка.

Неумение говорить, являющееся маркером младенческого возраста, закреплено в лексических единицах, в основе мотивации которых лежит признак «издаваемые звуки», например: *кувяд* (*кува*), *кувячка*, *кувяка* ‘новорожденный, младенец’ (от звукоподражания, связанного с плачем младенца): *Сын пока ходил в армии, служил. Приходит, а она нажила кувяд, дитё. Нихто не виноват* (СС); [*Кувяд – это что?*] *Девоичка или мальчик, конецино, плачет он так, это же кувяд – маленький детёночек родился. «Кувяд-а, кувяд-а»* (Том. Пар.); *Родилась у меня маленька кувячка, а его взяли в японску войну, а я осталась. Поехала его провожать в Харбин, уж да простудила дочку* (СРСГД); *А она говорит: «На холеру мне сдались таки женихи! Кувяд... Привезут, гыт, кувядку, будешь водиться сидеть! А они... Не надо мне таких женихов»* (ПСЯЛ); *пискуль, пискулька* ‘ребёнок’ (от пищать ‘издавать писк’): *Вон у меня пискуль пишишит* (СРСГД); *Пока зыбка туды-сюды ковыляется, я корову подою... Он приезжат, сидит с ребёночком, пискулька у меня как* (СРСГД); *воркун* ‘маленький ребенок, который произносит неясные звуки, лепечет’: *Воркун – так у нас на маленьких говорят. Он ешицо говорить-то не умеет, а всё воркует, воркует что-то; Воркун – это маленький ребёнок. Сидит себе, играет, и всё что-то себе воркует, воркует; Воркун – воркует, это маленький ребёнок только. Говорит себе, воркует что-то* (СОС); *Воркун – эт кода говорит, а маленьких – пока он уж ворковать начинает* (СС).

Маркером младенческого возраста является **способ питания**, от которого образованы следующие наименования младенцев: *грудник, грудничок, сосунок* ‘грудной ребенок’: *Когда грудь сосёт – грудник, грудничок и сосунок, раньше ведь больше сосали* (СС).

С младенцем связаны определенные предметы, воспринимаемые как его неотъемлемые атрибуты. Лексемы, называющие предметы детского быта (например, колыбель, пеленка), становятся мотивировочным признаком при обозначении младенческого возраста: **зыбочный** 'имеющий такой возраст, когда лежат в люльке' (от *зыбка* 'люлька, колыбель'): *Я от отца и деда зыбошный остался* (СРСГ); **пеленушный, пеленушный** 'маленький, в том возрасте, когда пеленают': *Пеленушная она у меня ешиц была* (СС); *Я от деда пеленушный, зыбошный остался* (СС).

Первый год жизни ребенка озаглавлен появлением двух основных умений, воспринимаемых в традиционной культуре в качестве главных признаков человека, отличающих его от прочих живых существ: умение говорить и ходить. «Речь и ходьба в традиционных воззрениях воспринимаются параллельно, как самые яркие признаки человеческого» [7. С. 284].

Мифологическое осмысление ходьбы, вертикальной ориентации в пространстве отражено в семантике языковых единиц². Отсутствие умения ходить как черта младенческого возраста закреплено в лексеме **ползунук** 'ребенок, еще не умеющий ходить': *Няни за грудными... за ползунками* (ВС).

Описание присущих младенцу качеств, набора признаков, через которые традиционная культура осмысливает его, может происходить по принципу «от противного». Так, отклонение от нормы развития, по которой ребенок должен в определенном возрасте начать ходить, отражено в лексеме **седук** 'ребенок, который долго не становится на ноги, не начинает ходить': *Седук – ребёнок, сидит, год-два не ходит* (СРСГД).

В русской традиционной культуре одной из неотъемлемых черт младенца считалась немота, неумение говорить. «Немым считался и младенец: *немчик* – “малыш, ребенок, который еще не говорит”» (Фасмер, 1971: 62 (цит. по: [9. С. 383]). «Если глухота... ассоциировалась со старостью, то немота – с младенчеством» [Там же. С. 386]. Способность говорить – один из этапов в развитии ребенка, наряду со способностями видеть, слышать, ходить, которые возникают в результате совершения специальных обрядов. «Ребенок не умеет говорить не потому, что еще не пришло время... а потому, что его язык находится в “связанном” состоянии». На обретение ребенком дара речи были направлены ритуальные действия, целью которых было «развязывание языка» [Там же. С. 388].

В лексиконе сибирских говоров для обозначения немого человека используется лексическая единица **немтырь**: *Это по природе. Природа человека идодеет. У Катериனுшки по природе немтырь. Степану говорили: «Степан, зачем берёшь Анну, она наносит немтырей». А у ей все говорят, а у Катерины двое немтырей, Люся совсем не слышит* (ВС); *У Ирины Ивановны девочка больша, красива, а немтырь. Ничё говорить не может, только мычит* (СРСГ); *Немой человек, немтырь, чё с им разговаривать. У нас девка была, дак немтушка звали* (СРСГД). Однако исследуемый материал дает основания выделить у лексической единицы **немтырь** лексико-семантический вариант 'ребенок, который долго не начинает говорить', отмечающий отставание в развитии речи: *Такой рослый мальчик,*

такой здоровый, а говорить ничё не говорит. Сватья говорит, он в отца немтырь, тот долго не разговаривал. А этот всё понимает, а немой и всё (МДС); *Немтырём немтого ребёнка зовут, который долго не говорит* (МДС).

Таким образом, можно утверждать, что в традиционной культуре ребенок в младенческом возрасте осмысляется как набор некоторых присущих ему отличительных черт. Производимые звуки (как оппозиция говорению), неумение ходить (как противопоставление хождению, вертикальной ориентации в пространстве), нахождение в колыбели, пеленание являются характерными признаками младенца. Онтологические свойства ребенка отражены также в семантике единиц, называющих отклонение от нормы (ситуация минус-приёма: **немтырь** 'ребенок, который должен начать говорить к определенному возрасту, но не говорит', **седук** 'ребенок, который должен начать ходить к определенному возрасту, но не ходит').

2. Дети, вышедшие из младенческого возраста, но еще не достигшие совершеннолетия, в говорах Среднего Приобья не имеют особых наименований, безотносительно пола чаще всего обозначаясь через имена существительные с корнем *-реб-* и *-дет-* (в единственном и во множественном числе): **детушки**: *Отпусти ты меня, офицер молодой, К малым детушкам, к родной матушке...; У соседа детушки толочно хлебают... (из песни)* (СРСГД); **детёнок**: *Детёнки в книгу заглянут – и понимают; У брата идного четыре детёнка; Четырех ли пять ли детёнков вырастил чужих; За своего детёнка и еще отвечай* (СРСГ); **ребятёнок**: *Сама шкуроу рубашонки, штанишки ребятёнкам* (ВС); **детёночек**: *У ней ни одного детёночка не было своего* (СС); **детёныш**: *Хоть один бы детёныш был* (СС); **детюля**: *Свою детюлю хто не любит* (СРСГД); **ребячишки**: *Ребятчишков у нас двое* (СРСГД); **ребятуньки**: *Раньше у нас полати бывали. Ребятуньки заберутся, как тараканы. Там тепло* (СС); **ребятчишоньки**: *А мы, ребятчишоньки, бегам, бегам всё кругом* (СС); **ребятчишечки**: *Дёрнула – а ворота на заломке. У ей ребятчишечки там малыньки, она не выпускает, сильно следит за имя* (ПСЯЛ).

Дети старше младенческого возраста, как правило, получают наименования, содержащие сему 'пол': **мальчик** 'ребенок, подросток мужского пола' (и его экспрессивно окрашенные производные, например, **мальчишонка**: *Что за мальчишонка такой вредный растёт! Я б ему дала баню, да сама себя жалею: мне ведь врач сказывал, никак нискоко нельзя нервничать* (СС); **мальчончишка**: *И мальчончишка тоже называют. Ну, это, конечно, маленький; И девчончишка, и мальчончишка – вот они худеньки, малыньки вот и зовут. Это и не ласково, и не ругательно. Просто так. Для них-то обидно, да* (СС); **мальчишок**: *Мальчишка жалко только. А он дельный парень* (ВС)), **парень** 'мальчик' (**парнишка**: *В первый класс ходит парнишка* (ВС); **парнишонка**: *Она бы пошла на работу, парнишонка один* (СРСГ); **парнёнка**: *Парнёнка такой рабочий. Ему шестнадцать нонче идёт, хороший парнишка* (ВС); **парнёнок**: *Они с парнёнком собирали деньги и молоко* (ВС); **парнёночек**: *Пойдет сам (муж), де по миру ходит да кормит её да парнёночка да* (СРСГД),

парнёночка: Парнёночка у их есть (СРСГД); **парнечок:** Один раз выпряг конев мужик. И пошел парнечок пугать их. Да кони-то растаскали его (СРСГД); **парнянка:** А парнянка у их дурачок (СРСГД); **парнячка:** Парнячка таперь большой (СРСГД); **парнейчик:** Там парнейчик ешиш, четвёртый год (СС); **парнечек:** Тамара-то умерла, парнечек-то остался с чужим мужиком, а к отцу не пошёл (ВС); **парнёчек:** Родила парнёчка (СС); **парнищечка:** А мальчонка говорят, когда мальчик женского пола (и экспрессивно окрашенные производные: **девчончишка:** Девка она, а ее назвать девкой нельзя, девчончишка. Конечно, маленька девчончишка, большу-то не назовёшь (СС); **девчоночка:** Она танцует, сама така девчоночка да хороша (ВС); **девчушка:** Девчушка в семой перешла (ВС)).

3. Подростковый возраст. Переходный возраст ребенка – время его взросления, становления, период, когда подросток занимает промежуточное положение как в семье, так и в крестьянской общине. Подростковые номинации содержат семантику незаконченности, незавершенности, имеющую формальное выражение в «негативных» аффиксах *не-, недо-:* **несовершеннолетний** ‘несовершеннолетний’: *Молоды еще были, несовершеннолетны* (СС); **недорощенный** ‘недоросль, тот, кто не достиг совершеннолетия’: *У нас пять братовей убили, их в сталинску дивизию взяли и враз их убили. У мамы был ещё недорощенный* (СС). Идея незаконченности, становления непосредственно связана с семантикой роста (ср. общерус. *подросток*). Народное сознание фиксирует «диссонанс» в развитии подростка, при котором физическое развитие опережает интеллектуальное: *И от детства не ушёл, и ума не нашёл* (СОС). Идея умственной незрелости заключается в лексиче-

ской единице **недоросток:** *У меня племянник шестнадцать лет, а ростом совсем малый – недоросток и получается. А другой вытянулся, жердь стал, перерос уж, а ума нет – недоросток тоже* (СОС).

Переход во взрослое состояние закреплен в смене номинации на **парень** (*Вышла взамуж, хороший парень попался* (ВС)) для подростков мужского пола, на **девка** (*Молода была – ходила на вечерки вечером. Парни, девки собираются. Летом на улицы* (ВС)), **девушка** (*Мужчина раньше – барин, жена – барыня, барышня – девушка* (ВС)) – для женского. Стоит отметить, что лексическая единица *парень*, употребляемая для наименования детей мужского пола (*Мальчонка, парень-то орёт* (ВС)), обладает способностью присоединять диминутивные суффиксы (см. выше), через которые выражается семантика детского возраста (ср. невозможность функционирования единиц с диминутивными суффиксами в значении ‘молодой человек, юноша’).

Семантика возраста в названиях ребенка, с которой связаны идеи малости, молодости, незавершенности, может выражаться через внутреннюю форму слова (корень *-мал-*, приставки *не-, недо-*, диминутивные суффиксы *-ишк-, -онк-(-ёнк-), -ок-, -очек-, -очк- (-ёчк-), -ечк-, -ушк-* и др.). В основе обозначений детей младенческого возраста лежит референция с предметами и свойствами, являющимися атрибутивными для этого возрастного этапа. Таким образом, в основу наименований положен релевантный с точки зрения носителей традиционной культуры признак. Закрепляя в номинативных единицах ту или иную идею, языковое сознание определяет ее как значимую. Рассматривая семантику лексических единиц, представляется возможным установить, какие представления о детях и детстве являются основополагающими для традиционной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. также обозначение детского возраста (или его окончания) через референцию с «детскими» предметами: **с пелёнок** ‘с раннего детства’: *Одного рошицу, а этого с пелёнок взяли, и здесь он у меня учится* (ВС); **из пелёнок** ‘стать взрослым, самостоятельным’: *Только из пелёнок, а уже к бутылке тянется* (СОС).

² Необходимо отметить связь идеи «стояния на ногах» с идеей жизни. «Ноги связаны с идеей пути, в том числе жизненного пути человека, ср. выражения *встать на ноги, стоять на ногах, слабеет ногами*. Процесс взращивания и воспитания ребенка описывается в рус. языке такими фразеологизмами, как *поставить на ноги, начать ходить*. Одним из главных пожеланий новорожденному была формула: «“Ножки, ходите, своё тело носите... Не будь седун, будь ходун...”» [8. С. 424]. В говорах Среднего Приобья данная тема реализуется в сочетаниях **быть на ногах:** *Старик помер давно. Детшники на ногах были, больши то есь. Старшой-то, Михаил, в войну убит* (СРСГД); **на ноги поставить** ‘воспитывая, довести до самостоятельности’: *И детей своих всех на ноги поставила* (ПССГ), **на ноги поднять:** *Хозяин дельный был, толк в хозяйстве знал, до всего у него руки доходили. И то сказать, как нас шестерых на ноги поднять* (МДС).

С идеей «стояния на ногах» связана идея вертикали, вертикального положения в пространстве: **воздымать** ‘растить, ставить на ноги (о детях)’: *Пока детей воздымала, нету ничё* (СРСГД); **поднять** ‘вырастить детей, поставить на ноги’: *И всё равно вырастила семерых, подняла* (СОС); **восстановить** ‘поставить на ноги, вырастить’: *Но а Вася-то у меня, он десять кончил, щас все уж Томском живут. Зато Нинку я восстановила, вырастила* (СС). Таким образом, мотив стояния, вертикали приобретает сверхэмпирический смысл, связанный с идеей жизни и жизненных сил, ср. также **на ноги поставить** ‘вылечить’.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Источники:

- ВС** – Вершининский словарь / под ред. О.И. Блиновой. Т. 1–7. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1998–2002.
ПСЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности / под ред. Е.В. Иванцовой. Т. 1–3. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006–2009.
СРСГ – Словарь русских старожилческих говоров средней части бассейна р. Оби / под ред. В.В. Палагиной. Т. 1–3. Томск, 1964–1967.
СРСГД – Словарь русских старожилческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Т. 1–2. Томск, 1975.
СС – Среднеобский словарь (Дополнение) / под ред. В.В. Палагиной. Ч. 1, 2. Томск, 1983–1986.
ПССГ – Полный словарь сибирского говора / под ред. О.И. Блиновой. Т. 1–4. Томск, 1992–1995.
СОС – Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 312 с.
МДС – Мотивационный диалектный словарь / под ред. О.И. Блиновой. Т. 1, 2. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982–1983.
Локальные пометы: Том. – Томская область; Карг. – Каргасокский район; Пар. – Парабельский район.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверева Ю.В. Наименования детей, образованные с помощью метафорического переноса, в пермских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб. : Ин-т лингв. исслед., 2013. URL: http://pspu.ru/upload/pages/8191/Metaforicheskiy_perenos_v_nazvaniyah_detey.pdf (дата обращения: 7.04.2014).
2. Федосеева Н.П., Подюков И.А. Диалектная лексика, характеризующая детей (по данным пермских говоров и коми-пермяцкого языка) // Строгановские чтения. Усолье, 2006. С. 67–75. Вып. 2.
3. Коконова А.Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 26 с.
4. Бунчук Т.Н. Языковое выражение представлений о рождении ребенка в усть-цилемской народной культуре // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева ; науч. ред. Т.Н. Бунчук. Сыктывкар : Изд-во ГОУ ВПО «Сыктывкарский госуниверситет», 2008. С. 27–36.
5. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. 277 с.
6. Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 240 с.
7. Седякова И.А. Первые шаги ребенка: магия и мифология ходьбы (славяно-балканские параллели) // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 284–306.
8. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М. : Междунар. отношения, 2004. Т. 3 : К–П. 697 с.
9. Байбурун А.К. Этнографические заметки о языке и слове в русской традиции // Антропологический форум. СПб., 2005. № 3. С. 381–397.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 9 июня 2014 г.

AGE OF THE CHILD IN NOMINATIVE UNITS: LINGUO-CULTURAL ASPECT (BASED ON DIALECTS OF THE MIDDLE OB AREA)

Tomsk State University Journal. No. 384 (2014), 37-41. DOI: 10.17223/15617793/384/6

Ugryumova Maria M. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: maria_ugr@mail.ru

Keywords: cultural linguistics; dialects of Srednee Priob'ye; semantics; age; child.

The article considers the nominative units of The Middle Ob dialects used for calling the child from infancy to adolescence studied in the linguo-cultural aspect. The aim is to identify the relevant traditional cultural representations of the child enshrined in the semantics of lexical items. One of the main motivational traits in the nomination of children is the idea of "smallness", "small age" expressed by root *-mal-*. In nouns naming children the meaning "non-adult" and the meaning "small size" are often indivisible. Ways of denoting childhood are a direct indication of the number of years, the use of adjectives formed by the model 'numeral + root *-mesyach-* or *-god-*', etc. They have a dictionary definition of "being the age of X months / years", lexemes with the root *-god-*. Lexical units in the dialects of the Middle Ob area which call children by age are conventionally divided into several groups (newborns and infants, children, older infants, teenagers). The greatest number of nominations concern children's infancy. These nominations reflect the idea of having some of the characteristics represented in the infant, including the inability to walk and talk, inability to use the adult way of eating, connection with certain objects, etc. Children older than infants but not having reached adulthood yet are denoted by nouns with the roots *-reb-* and *-det-* (singular and plural), or by specifying the gender (a boy, a girl and their derivatives). Teenage nomination contains semantics of incompleteness, having a formal expression in the negative prefixes *ne-*, *nedo-*. The idea of incompleteness, formation is directly related to the semantics of growth; the nomination expresses "dissonance" in the development of the adolescent, in which the physical development goes faster than intellectual. Semantics of the age in children's nomination connected with the ideas of smallness, youth, incompleteness can be expressed through the inner form of the word. The basis of child nomination is with reference to objects and qualities that are attributive for this age stage. Thus, by linguistic and cultural analysis of the internal form of the word (root morpheme, word-forming affixes) and motivational signs expressing the basics of children's calling, we can identify perception of the child relevant for traditional culture representatives.

REFERENCES

1. Zvereva Yu.V. *Naimenovaniya detey, obrazovannyye s pomoshch'yu metaforicheskogo perenosa, v permskikh govorakh* [Names of children formed by a metaphorical transfer in the Perm dialects]. In: *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya)* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (materials and research)]. St. Petersburg, Institute of Linguistic Research Publ., 2013. Available at: http://pspu.ru/upload/pages/8191/Metaforicheskiy_perenos_v_nazvaniyah_detey.pdf. (Accessed: 07th April 2014).
2. Fedoseeva N.P., Podyukov I.A. [Dialect vocabulary characterizing children (according to the dialects of the Perm dialect and the Perm-Komi language)]. *Stroganovskie chteniya* [The Stroganov Readings], 2006, issue 2, pp. 67-75.
3. Kokonova A.B. *ROZHDENIE i SMERT' v prostranstve dialekta*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [BIRTH and DEATH in a dialect. Philology Cand. Diss.]. Moscow, 2011. 26 p.
4. Bunchuk T.N. *Yazykovo vyrazhenie predstavleniy o rozhdenii rebenka v ust'-tsilemskoy narodnoy kul'ture* [Linguistic expression of ideas about birth in Ust-Tsilma folk culture]. In: Bunchuk T.N. (ed.) *Deti i detstvo v narodnoy kul'ture Ust'-Tsil'my: issledovaniya i materialy* [Children and Childhood in Ust-Tsilma folk culture: studies and materials]. Syktyvkar: Syktyvkar State University Publ., 2008, pp. 27-36.
5. Bernstamm T.A. *Molodezh' v obryadovoy zhizni russkoy obshchiny 19 – nachala 20 v. Polovozrastnoy aspekt traditsionnoy kul'tury* [Youth in the ceremonial life of the Russian community in the 19th – early 20th centuries. Age and gender aspect of traditional culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1988. 277 p.
6. Bayburin A.K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavjanskikh obryadov* [Ritual in traditional culture: structural and semantic analysis of the East Slavic rites]. St Petersburg: Nauka Publ., 1993. 240 p.
7. Sedakova I.A. *Pervyye shagi rebenka: magiya i mifologiya khod'by (slavyano-balkanskije paralleli)* [Baby's first steps, magic and mythology of walk (the Slavic-Balkan parallel)]. In: Agapkina T.A. (ed.) *Kontsept dvizheniya v yazyke i kul'ture* [Concept of motion in language and culture]. Moscow: Indrik Publ., 1996, pp. 284-306.
8. Tolstoy N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar' v 5-ti tomakh* [Slavic antiquities. An Ethnolinguistic Dictionary. In 5 vols.]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 2004. Vol. 3, 697 p.
9. Bayburin A.K. *Etnograficheskie zametki o yazyke i slove v russkoy traditsii* [Ethnographic notes on the language and the word in the Russian tradition]. *Antropologicheskiy forum*, 2005, no. 3, pp. 381-397.

Received: 09 June 2014